

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Каспийский бриз. Часть 2: Долгое воскресенье.

Утро было солнечным, но на душе хмурились грозовые тучи. Возбуждение от увиденной воочию измены жены прошло, наступило похмелье. Я мучился ревностью, мне было обидно. Разве я не отдавал ей всего себя? Да, пропадал на работе, но разве это не ради семьи? Разве это не для моей любимой Гюльсум и нашего сына?

Я оставил жену спящей, уютно свернувшейся под простыней и отправился в душ, потом побрился.

Спустившись на кухню, я наткнулся там на подругу жены, что не добавило мне оптимизма и не улучшило настроения. Нара готовила завтрак, тихонько напевая себе под нос что-то популярное.

— Кофе? — она улыбнулась, блеснув на меня своими глазками.

— Да, если не трудно.

— Конечно не трудно! — и передо мной возникла чашка горячего кофе. На плитке шкворчала сковорода, на тарелке рос холм из гренок.

Одолеваемый мрачными мыслями, я смотрел на Нару, и в голову лезли другие мысли, не менее мрачные — я удивлялся, какого шайтана она мне так не нравится. Внешне в ней не было ничего отталкивающего. Высокая, худощавая, точёное тело, на которое приятно смотреть. Тонкие руки и ноги, маленькие ладони и ступни, аккуратная выпуклая попка.

Небольшие груди, но это не делало женщину плоской, они вполне пропорционально смотрелись при её общей худощавости. Про таких говорят «стройная и гибкая как тростинка». Её лицо с правильными чертами немного портила удлинённая форма, но правильно подобранная стрижка и умело нанесённый макияж скрадывали все недостатки. Она часто улыбалась какой-то озорной улыбкой, глаза и лицо были живыми и приятными. У Нары было хорошее чувство юмора и причину своей неприязни я не мог понять. Излишняя болтливость, язвительность, любовь к двусмысленным шуткам... Не такие уж серьёзные недостатки, чтобы испытывать глухую неприязнь к этой женщине.

Она оторвала меня от размышлений:

— О чём задумался, милый? Мировая скорбь в глазах... Мы все умрём? — она улыбалась.

— О подруге твоей задумался, — мрачно ответил я, — не знаешь, как она до жизни такой докатилась?

— Серьёзный вопрос, — улыбка погасла, — сейчас с готовкой закончу, и поговорим.

Вскоре она уселась напротив меня за стол, поставив перед нами по чашке свежего чая и по тарелочке с гренками.

— Так что скажешь? — спросил я.

Она молча ела политые клубничным джемом гренки, запивая их чаем. Мне ничего не оставалось, как тоже заняться едой. Доев свою порцию и вытерев руки салфеткой, она подперла голову ладонью и задумчиво глядя на меня, сказала:

— Гюльсум... Понимаешь, она очень горячая у тебя. В смысле секса. Вот и докатилась. Море, жара, пляж, открытый купальник, взгляды, комплименты... Знаешь сколько раз к нам подкатывали типа познакомиться? Мужчину ей хотелось. День, второй, третий... В среду она почти бутылку вина выпила, чтобы просто заснуть, так её хочучка одолела, а в четверг мальчишки нас на дискотеку пригласили. Она выпила, они приставать стали. Шуточки,

флирт, сначала вроде несерьёзно, ты же знаешь как бывает... Она и уступила...

— Дискотека?! Ты зачем её туда повела?! — взорвался я, — Сама без мужа ведёшь себя как... И Гюлю втянула?!

— Как кто, Эльмар? — спросила Нара. Она заморгала глазами, — как блядь? Ты договаривай, не стесняйся... Меня родители с детства попрекают тем, какая я порочная и развратная, какая я юлядь... А знаешь почему? Потому что я умнее и во всём лучше своего брата. Он институт закончил кое-как и ни на одной работе больше двух лет не проработал... Я бы намного большего добилась. Папаша дурак, и сынок в него. А твою жену мне ставили в пример всё детство — какая она умная, какая правильная... Только знаешь, она по мальчикам с ума сходила, когда я и не смотрела на них, лет с 12... Ну давай, скажи, Эльмарчик, как кто я?

Я не знал, что ответить. Разговор явно не задался, и виноват в этом был я. Нара встала, собрала со стола грязную посуду, отнесла к мойке и начала мыть. Её плечи вздрагивали. Я подошёл к ней и коснулся узкого плеча. Это был просто рефлекс — успокоить плачущую женщину, я не ждал никакой реакции, но она вдруг повернулась ко мне и уткнулась лицом в грудь, беззвучно плача. Я обнял её за плечи и гладил спину, почему-то думая о том, что лифчика на ней нет...

Я не знаю, сколько времени мы простояли в обнимку, пока она стала успокаиваться.

Наверху тихонько открылась и закрылась дверь нашей спальни и босые ноги Гюльсум прошлёпали в душ. Нара подняла на меня глаза. В них ещё блестели слезинки, но она уже улыбалась:

— Футболку тебе промочила...

Я ушёл в гостиную, включил телевизор и уселся на диван смотреть спортивный канал. Сверху спустился Эльдар. Его заспанное лицо выражало глубокую печаль, ему не хотелось, чтобы я уезжал. Он уселся на диван рядом со мной и прижался к моему боку.

Спустилась Гюльсум, освежённая после душа, но невыспавшаяся. Нара разбудила Ясмин и позвала всех завтракать.

Устраивать разборки с женой сразу после завтрака, при её подруге и при детях не хотелось, и я не стал этого делать.

Все отправились на море, но настроение у всех было паршивое. Гюльсум понимала, что ночью ляпнула лишнее, Нара не то стыдилась своей утренней откровенности, не то злилась на меня, Эльдар то и дело начинал хныкать, Ясмин «поймала» общее настроение и в конце концов разревелась. В итоге в домик все вернулись не в лучшем расположении духа. Нара осталась готовить обед, а я посадил Гюльсум в машину и повёз в супермаркет, хотя особой нужды в этом не было.

На стоянке она хотела было отстегнуть ремень и выйти, но я не дал ей этого сделать, положив ладонь на замок ремня.

— И всё-таки, почему? — спросил я, — Гюльсум, я не понимаю. Тебе так плохо со мной жилось?

— Нет... Просто я... хочу... — она попыталась сказать это твёрдо, глядя мне в глаза, но не выдержала моего взгляда и принялась разглядывать облезавший от морской воды и песка лак на ногтях.

— А если я тебе сейчас скажу, что я вот их хочу, причём обеих сразу? — я мотнул головой в сторону проходящих мимо нашей машины с набитой продуктами тележкой двух совсем

молоденьких девушек с соблазнительными, обтянутыми трикотажными шортиками попками, — тебе понравится?

— Конечно нет, — ответила Гюля, — но ты бы и не спросил, ведь так? Вот рожу я тебе ещё одного мальчика... или девочку, жопа расползётся, сиськи обвиснут, мешки под глазами... Ты молодую любовницу найдёшь, разве у меня спросишь?

— Что значит...

— А то и значит! — она заговорила горячо, решив до конца защищать свою свободу, — Ты лет через десять может быть этих самых девок будешь трахать, а я? А я сейчас хочу, пока молодая, пока меня все хотят... С детства хотела, только нельзя-нельзя! «Гюля, если будешь гулять, замуж не выйдешь!» «Гюля, не вздумай с мальчиками целоваться!» И что? Выдали замуж за парня, который меня не любил вообще! Хорошо, что он не стал меня мучить и дал развод, хорошо, что тебя встретила и полюбила... Вы, мужчины, до свадьбы все нагуляться успеваете, трахаете всё что ползает и с дырками... Натрахался — молодец, опытный, а если женщина трахается — значит блядь, потаскуха, как посмела... Мужчина жене изменяет — молодец, мужик, а если женщина? Блядь и потаскуха, конечно же... Я же не прошу навсегда... Дай мне немного побыть... блядью... Не навсегда... Пожалуйста...

— Гюля, что ты несёшь?! — взорвался я, — ты понимаешь вообще, о чём просишь? Жена снова устала на ноги.

— Чушь какая-то, — сказал я уже спокойным тоном, — тебе секса со мной не хватает?

— Хватает. Мне секса с другими не хватает.

— Совсем чокнулась, что ли?

— Эльмар, да ты в зеркало на себя посмотри! Тебе же понравилось! Тебе так понравилось, что ты меня трахал два дня как зверь, ты и сейчас — завёл этот разговор, такой весь в праведном гневе, а у самого штаны как палатка!

Она была права — злость и ревность разбудили мою похоть. Эту шалаву, которая неделю назад была добропорядочной и верной женой, хотелось взять за волосы и насадить горлом на член, чтобы покраснело лицо, чтобы давилась и задыхалась, хотелось нещадно мять и терзать грудь, совать пальцы в киску... Я завёл мотор и выехал со стоянки.

Каменистый мыс, поросший низким кустарником, носил говорящее название Блядский. В любое время суток тут можно было встретить парочки и целые компании на машинах, трахающиеся в различных сочетаниях мужских и женских организмов. Семейные парочки, желающие потрахаться публично или просто в необычных условиях, изменяющие жёнам мужья, и жёны, изменяющие мужьям, компании молодых парней и девушек... Почему это место до сих пор не застроили, оставалось загадкой, но летом Блядский мыс не пустовал никогда. Вот и сейчас среди кустов торчала выдавшая виды «Тойота» с открытой задней дверцей. Я не стал подъезжать близко. Остановив машину и заглушив мотор, я сам отстегнул ремень Гюльсум и приспустил шорты. Член гордо закачал головкой.

— Соси, моя шлюшка, — сказал я, — и попробуй урони хоть каплю. Выкину из машины и пойдёшь пешком.

Жена склонилось было над членом, но вдруг остановилась и спросила:

— Это значит «да»?

— Это значит — мне надо подумать, — ответил я.

Она не пролила ни капли.

Я остановил машину у аптеки.

— Противозачаточные у тебя есть? Так, на всякий случай.

Она посмотрела на меня с восторгом и попыталась поцеловать. Я увернулся.

— Гюля, милая, нам надо в супермаркет, помнишь? А если я тебя поцелую, мы опять попадём на мыс. Иди.

К обеду мы, понятное дело, безбожно опоздали

WhatsApp

Чаты

Муха Шеф

— — — — —

«Мухамед Алиевич, добрый день. Простите, что беспокою в выходной.

Срочно нужен отпуск на неделю.

14:20»

— — — — —

«Муха Шеф

Эльмар, ты не охренел? Какой отпуск?

14: 23»

— — — — —

«Мухамед Алиевич, вопрос жизни и смерти. Брак разваливается. Жена собралась уходить.

14: 23»

— — — — —

«Муха Шеф

Эльмар, не дави на жалость

14: 24»

— — — — —

«Муха Шеф

Кто кроме тебя хорошо ориентируется по проектам «Айнар»?

14: 44»

— — — — —

«По части проектов со мной работал Ильхан, по остальным Ильдус.

Мухамед Алиевич, я на связи буду и ноутбук у меня с собой, я много работы домой брал когда не успевал.

Если сейчас вернусь в Баку, жена точно уйдёт. Плохо всё. Я бы не просил, если бы можно было уладить так.

14: 45»

— — — — —

«Муха Шеф

Эльмар, ты мудака так подставлять.

Понедельник, вторник, среда можешь загорать, купаться и ублажать жену, пока все вкальвают. Если в среду позвоню, чтобы в четверг утром был на работе.

14: 45»

— — — — —

«Муха Шеф

Ты понял?

14: 46»

— — — — —

«Да, Мухамед Алиевич, понял

14: 46»

— — — — —

«Огромное спасибо

14: 48»

— — — — —

«Муха Шеф

Заебал. Иди займись женой.

14: 50»

Известие о моём отпуске, говоря официальным языком, «было воспринято неоднозначно, но в целом положительно».

Эльдар бросился изображать бешеного пуделя, Яси присоединилась к нему в порыве солидарности. Гюля насторожённо зыркнула, но было похоже, что она скорее довольна. Нара сверкнула глазами и загадочно улыбнулась.

Странно, но моя неприязнь к ней куда-то испарилась, превратившись в какую-то... жалость? Разбираться в своих чувствах мне не дали. Женщины затеяли праздничный ужин, отправив меня на пляж с детьми. Пока я учил Эльдара и Ясмин держаться на воде, изображал из себя вышку для прыжков, делал вид, что боюсь брызг, незаметно подкрались сумерки и нас позвали ужинать.

Накупавшиеся до одури дети за ужином осоловели тарацились в тарелки, Гюльсум и Нара были, напротив, оживлены сверх меры. Мы выпили по большому бокалу вина, хотя я подозревал, что к вину они обе приложились ещё во время готовки.

— Если ты в отпуске, значит моешь посуду, — пропели они хором на мотив какой-то популярной песни, и со смехом потащили детей укладываться спать.

Я быстро помыл тарелки, бокалы и чашки, и решил сварить кофе, а как только уселся на диван перед телевизором с кружкой ароматного напитка, сверху спустилась Гюля и прильнула ко мне. Она была одета в платье с открытыми плечами, на лице был лёгкий макияж, волосы уложены, на ногах туфли. Я удивлённо посмотрел на жену, но спросить ничего не успел — сверху спустилась её подруга, облачённая аналогичным образом — чёрная блузка, украшенная кружевами, короткая юбка, туфли...

— А кавалер не готов! — воскликнула она, театрально всплеснув руками, — Гюльсум!

— Деспот и тиран, ты ведёшь нас на местную дискотеку! Твоя одежда висит на двери душевой. В комнату не входить, разбудишь Эльдара — будешь свергнут! На переодевание — пять минут!

Дискотека и правда была смешной, как будто мы попали в конец девяностых. Квадратная площадка, огороженная забором из профнастила, обвешанная снаружи рекламными щитами, дающая мягкое освещение цветомузыка на металлических стойках, спящие вспышки стробоскопа, диджей на помосте под навесом в углу квадрата, мрачный детина на входе.

Внутри вдоль двух сторон ограждения стояли небольшие столики, в противоположном от диджея углу примостилась крохотная барная стойка. Музыка была вполне современная.

— Хочу вина! — прокричала мне на ухо жена, — Пойдём в бар!

— Тут можно выпить вина! — прокричала Нара в другое ухо, — Пойдём к стойке!

Друг друга они явно не слышали.

Мы подошли к стойке. Нара при помощи знаков попросила у бармена три вина. Вино разливали в пластиковые стаканчики, их просто забирали с собой, у стойки никто не задерживался. Мы присели за свободный столик. Женщины пили вино торопливо, им хотелось танцевать. Неожиданно у столика возникли братья Аскер и Аслан. Они уважительно поздоровались со мной и попросили разрешения пригласить Гюльсум на танец. Она умоляюще взглянула на меня, и я скрепя сердце согласно кивнул. На меня навалилась ревность. Мальчишки, позавчера трахавшие мою жену, проявляют такое лицемерное уважение... И пригласили же наверняка чтобы полапать! Ревность вместо злости вызвала прилив возбуждения. Пока я допивал вино, Нара тоже исчезла. Я встал. Танцевать не хотелось. Я медленно дрейфовал в сторону бара, иногда при вспышках стробоскопа выхватывая глазами мелькающую в толпе милую головку жены. Рядом с ней топтались братья. Я дошёл до стойки, и оказалось, что пить я не хочу. Накатила усталость и раздражение. Быстрая музыка сменилась медленной, из толпы танцующих выскользнула Нара и потянула меня за рукав в центр площадки:

— Эльмар! — голос надо было повышать, хоть и не до крика, — Пригласи меня танцевать!

— А где твои кавалеры? — спросил я.

— Нашли помоложе! — она усмехнулась, — Обними меня... Прижми к себе..

Она схватила меня за руки и положила мои ладони на бёдра так низко, что они касались ягодиц. Сквозь тонкую ткань юбки и трусиков я чувствовал пальцами движение каждой мышцы. Она обвила руками мою шею и прижалась ко мне так сильно, что через все слои одежды я чувствовал грудью её напряжённые соски. Это возбуждало. Неожиданно совсем рядом я увидел жену. Она висела на Аслане так же, как Нара на мне. Она покраснелась, глаза были широко распахнуты, она часто облизывала губы. Я представил, как она течёт, какие у неё мокрые трусики, и мой член встал, уперевшись в живот Нары. Она взглянула на меня, потянула меня к себе и поцеловала в губы.

Снова заиграла быстрая музыка, но Нара не отпустила меня. Она тёрлась об меня грудью, животом, бёдрами... Недалеко мелькала Гюля. Братья буквально зажали её как кусок ветчины в сэндвиче. Быстрые и медленные танцы сменяли друг друга, Гюльсум танцевала то с Аскером, то с Асланом, Нара танцевала со мной. Я потерял счёт времени. Под грохот очередного танцевального хита Нара прокричала:

— Хочу пить! — она потянула меня к бару, — Купи вина! Она пила жадно, глядя на меня блестящими глазами. Допив, она снова потащила меня в танцующую толпу. После пары сменивших одна другую песен я понял, что жена куда-то пропала вместе с ухаждёрами.

— Гюльсум пропала! — прокричал я, — Куда она могла деться?

Нара огляделась

— Я знаю, где они могут быть! — ответила она, — Пойдём!

Мы пробились через толпу к выходу и она уверенно повела меня в обход танцплощадки.

— Откуда ты всё тут знаешь?

— Всё детство каждое лето здесь.

Мы свернули в кусты на неприметную тропинку и вскоре я услышал голоса парней и смех жены. Нара негромко сказала:

— Я тебя сейчас отведу... там подглядывать можно почти вплотную, и нас не увидят... только тихо!

Нара не обманула. Гюльсум оказалась посреди вытоптанной сотнями ног площадки, окруженной кустами. С одной стороны площадки было дерево с настолько искривлённым стволом, что на уровне пояса он был горизонтальным. Ещё в этом гнездилище разврата была скамейка, украденная, очевидно, из какого-то пансионата. Я оценил усилия — тяжёлую скамью с чугунными ножками тащили километра полтора, не меньше.

Гюля целовалась с Асланом. Он прижимал её к себе за бедра, сзади целовал её шею и ласкал груди Аскер. Она начала постанывать от ласк, парни начали её раздевать. Аслан задрал на ней платье и начал стаскивать трусики, обнажая незагорелую кожу. Аскер расстегнул «молнию» на платье и стянул бретельки платья с плеч. Её голые груди выскочили из платья и их накрыли ладони Аскера. Гюля повернула голову и начала целоваться с ним. Аслан присел на корточки и совсем стащил с неё трусики. Она переступила ногами, помогая ему.

Всё было отлично видно, свет от цветомузыки освещал всю сцену разными цветами — красным, синим, зелёным. Я настолько увлёкся созерцанием новой измены своей жены, что перестал думать о Наре. Неожиданно ширинка моих джинсов оказалась расстёгнутой, а головку члена обхватили мягкие губы.

Тем временем Гюльсум опёрлась руками о кривой ствол дерева и прогнула спинку, выпятив попку. Аскер вошёл в её киску, быстро задвигав бедрами и натягивая её на свой член. Аслан уселся на ствол дерева и стал мять её груди. Она стонала в голос, не стесняясь — рядом гремела дискотека. Гюльсум кончила, уронив голову и чуть не ударившись о дерево. Братья поменялись местами — Аскер сел на дерево, широко расставив ноги, Гюльсум упёрлась руками в его бедра и взяла в рот его член, а Аслан вошёл в её киску... Она опять кончила, очень быстро, а дальше началась акробатика. Аслан чуть нагнулся и положил её руки себе на плечи, заставив обнять себя, а затем выпрямился. Гюля повисла у него на шее. Он подтянул её за ягодицы и насадил киской на член, правда не с первого раза. Она обняла его ногами, но двигаться так они почти не могли, не хватало точек опоры. Аскер подошёл к моей жене со спины и начала вставлять член а её попку. От неожиданной боли Гюльсум закричала, но парни были неумолимы. Аскер вдавил член до конца и начал двигаться, постепенно ускоряясь. Долго исполнять этот акробатический этюд они не смогли, слишком большие усилия для этого требовались, но даже небольшого промежутка времени, в течении которого моя жена висела на двух членах, ей хватило чтобы кончить. Я видел, как моя жена извивается в руках молодых любовников, и у меня кружилась голова. Заметно уставшая, но имевшая крайне довольный вид Гюльсум снова опёрлась на руки, на этот раз используя скамейку, и парни по очереди кончили, пристроившись к ней сзади, причём Аскер снова натянул на свой член её попку, а Аслан залил спермой её киску.

Нара изо всех сил старалась доставить мне удовольствие, стоя на песке на корточках и задрав юбку. Я даже не глядел на неё, настолько меня увлекло зрелище.

— Эльмвр, милый, ты кончишь мне в рот или мне раздеться? — услышал я её голос снизу.

В это время моя жена, не обращая внимания на вытекающую из своих дырочек сперму, не снимая туфель натягивала трусики. Я представил, как у неё там всё мокро, как у неё между

ног сейчас будет хлюпать при каждом шаге, и мой член задёргался, выплёскивая семя на лицо и одежду Нары. Она зашипела как разозлённая кошка:

— Эльмар, ты что наделал?

Я поднял её с колен и прошептал на ухо:

— Прости, не сдержался... Только тихо, не шуми.

Гюльсум поправила на себе платье, которое всё это время болталось валиком где-то в районе её живота. Аскер застегнул ей молнию и звонко шлёпнул по попке, Аслан сжал грудь.

Запасливые парни подмылись из бутылки с водой и тоже оделись. Они прошли по тропинке мимо нас.

Их шаги удалились за пределы слышимости. Мы с Нарой проскользнули через кусты и оказались там, где только что оттрахали мою жену. Здесь было светлее, чем в кустах, и можно было оценить ущерб. Я постарался на славу. Пышные кружева на воротнике блузки местами слиплись. Сгусток спермы попал Наре на лицо над бровью и стёк на щёку, размазав тушь с ресницы. Пара капель брызнула в волосы.

— Безнадёжно, — сказал я, — прости. Домой?

— Пойдём, — вздохнула она, — что ж теперь...

Мы неторопливо шли по берегу, слушая как волны с шипением накатывают и отползают, оставляя тающие языки пены на мокром песке. Нара держала меня под руку, прижимаясь ко мне как будто замёрзла, и рассказывала о себе.

... Старший ребёнок в семье к разочарованию родителей оказался девочкой. Когда родился младший брат, стало ещё хуже. Оказалось, что девочка умна не по годам, а брата природа обделила умом. (Не олигофрен, конечно, как сказала Нара, а просто тупой). Сначала родители просто вымещали злобу и разочарование на красивой и умненькой девочке, а потом убедили себя и сына в том, что девочка порочна и развратна (талдычили мне постоянно — шлюха растёт, блядь будущая, бедный твой муж, опозоришь нас). Учиться в институт её конечно же не пустили (только блядовать будешь), а когда ей исполнилось восемнадцать — выдали замуж за молодого человека, который до свадьбы видел её пару раз. После рождения дочери муж совсем перестал интересоваться молодой женой.

Я бы поняла, если бы я что-то не так сделала, — говорила Нара, — но ведь всё как у всех. Другие уживаются как-то, или разводятся, а этот мудака просто смотрит на меня как на пустое место. И как с таким жить? Любовница у него в Баку. Любовница у него в Москве, летает к ней раз-два в месяц. А я ему не изменяла много лет, представь, терпела...

Мы подошли к домику. Нара достала из сумочки ключ, открыла дверь и мы вошли внутрь. Я собрался было снова идти на дискотеку, забрать жену, но Нара стала меня отговаривать:

— Эльмар, где ты будешь её искать? Она может туда уже не вернуться. Может зашла выпить вина, увидела, что тебя нет и уже идёт сюда. А может быть гуляет с мальчиками по берегу. Ты можешь искать её до утра и не найти. Мальчишки её приведут, поверь. Они хоть и балбесы, но женщину ночью одну не бросят... Может быть пойдём лучше в душ и в мою комнату?

Я взвесил перспективы найти жену, признал, что Нара права и нехотя согласился.

Мы погасили внизу свет и поднялись на второй этаж. Нара сказала с улыбкой:

— Чур, я первая купаться! — и поцеловала меня в щёку.

Она управилась с мытьём довольно быстро. Я за это время успел заглянуть в спальню.

Эльдар, тихо посапывая, спал на своей койке. Я бесшумно присел рядом с ним на пол, просидел минут десять, и услышав в коридорчике шаги Нары, вышел, тихо притворив дверь. Нара стояла в коридорчике, завёрнутая в большое банное полотенце.

— Ты готова? — спросил я.

— Иди в душ, Эльмар. Это наш с тобой первый раз. Я застелю свежее бельё.

Я вымылся под душем и даже поскрёб щёки и подбородок бритвой, соскоблив начавшую пробиваться щетину. Нара лежала на своей кровати, накрывшись простыней, с разбросанными по подушке влажными волосами. Я подлёг к ней, сунул руку под простыню и легко погладил от шеи до лобка. Она задрожала и, отбросив простыню, повалила меня на спину, забралась сверху и стала целовать, горячо шепча... — Ты мой... Ты знаешь, какое это счастье? Молчи... Я люблю тебя... Всегда любила... Как только увидела первый раз... Ты мой... Любимый...

Нара целовала моё лицо, грудь, шею, плечи. Она как будто не могла мной насытиться. Я притянул её голову к своей и поймал губами её мягкие губы. Мои пальцы нашли её промежность и проникли во влажную щелочку. Она с шипением втянула в себя воздух сквозь зубы и вздрогнула всем телом. Я продолжал целоваться с ней и ласкать пальцами, пока по моей руке не потёк целый водопад. Тогда я перевернул её на спину и лёг сверху. Пальцы, которыми только что ласкал её киску, я сунул ей в рот и она с готовностью принялась обсасывать их, слизывая собственные соки, рукой помогая моему члену найти вход. Я вошёл в неё, услышав тихое протяжное «А-ахххххх».

Она была не такой узенькой как Гюльсум. У меня уже больше шести лет не было другой женщины, кроме жены, и это было очень волнующе — ощущать, как член входит в женщину, почти не чувствуя стенок влагалища. Я начал было двигаться резко, как привык с женой, но Нара попросила, шепча между своими тяжелыми вдохами и выдохами:

— Помедленнее... Любимый... Милый... Нежнее... И... Аххххх... Глубже...

Хоть и не сразу, но мне удалось поймать ритм, приятный нам обоим, и мы задвигались навстречу друг другу. В ней не было ничего от разнузданной самки, которую я слышал в кустах на берегу две ночи назад. Эльмара, мы перед ним оба извинимся!

— Ты что, нет!

— А как ему сделать, чтобы ты его простила?

— Пусть как в прошлый раз извиняется! — засмеялась Гюльсум.

— Ты слышал, Аслан? — спросил Аскер.

Он взялся за подол платья, задрал его до бёдер, и как будто снимал с плиты что-то горячее, взялся за резинку трусиков Гюли и потянул их вниз. Она чуть расставила ноги, чтобы трусики не зажимались в промежности, потом наоборот свела, и они соскользнули вниз по ногам. Аскер расстегнул молнию на платье и потянул его за подол вверх. Моя жена подняла руки вверх, позволив себя раздеть, и осталась голой, стоя в одних туфлях.

— Иди, извиняйся! — позвал Аскер.

Аслан подошёл к ним и встал на одно колено, как будто его собирались посвятить в рыцари. Гюля переступила через валяющиеся на полу трусики и поставила носок туфельки на его выставленное вперёд колено. Аслан посмотрел на брата:

— Она кончой пахнет и пиздой!

— Хочешь, чтобы простила — целуй! — провозгласила Гюльсум с королевской гордостью в голосе.

Он склонился и поцеловал коленку жены. Она захихикала:

— Щекотно! Прощаю!

Аскер в это время всю лапал её грудь. Второй раз за последние три часа я видел эту картину. Точнее, сейчас видел не совсем качественное отражение. Я уже не думал о том, что стою голый и подглядываю, мной овладело всё то же возбуждение. Член стоял как дубовый. Думал я совсем о другом — как незаметно проскользнуть в кухню и смотреть оттуда, прячась в темноте. Я стал ждать случая, и он вскоре представился.

Сегодня парни не утруждали себя ласками, по крайней мере сейчас. Я подумал, что они собираются её трахнуть минимум третий раз, поэтому, раздев, они просто её бросили и стали раздеваться сами.

Голая Гюльсум подошла к столу, повернувшись спиной к парням и к двери, и попыталась его раскатать.

— Мой муж обещал трахнуть меня на этом столе. А вы можете? — спросила она у парней.

Оба повернулись к ней, и в этот момент я шагнул в сторону кухни — раз, другой, третий, и оказавшись в тени, встал так, что увидеть меня можно было только если специально всматриваться. Я смотрел во все глаза. Аслан подхватил мою жену подмышки, а Аскер нагнулся и взял её за бёдра, почти у коленей.

Они положили смеющуюся и извивающуюся Гюльсум поперёк стола, и Аскер с отчётливым чавкающим звуком загнал в неё член, резко, без всяких прелюдий.

— Какие вы, мальчики, неугомонные! — с восхищением сказала моя жена, и взяла в рот член Аслана. Аскер держал её согнутые в коленях и прижатые к груди ноги за лодыжки, широко раздвигая их в стороны. Аслан мямл её груди, а она держала его за бёдра, то притягивая к себе, когда заглатывала его головку, то отталкивая, чтобы вдохнуть.

Я стоял в своём убежище и снова меня сметала лавина чувств. Злость, ревность, вожделение, обида, похоть... Снова одновременно хотелось унижить, изнасиловать, причинить боль, и в то же время доставить ей наслаждение, заставить извиваться от оргазмов.

Она извивалась, только наслаждение ей доставлял не я, а парочка молодых мальчишек.

Стонать она могла только когда выталкивала член Аслана из горла, поэтому слышны были только её судорожные, как всхлипы, вдохи и выдохи, тяжёлое дыхание Аскера, чавкающе-хлюпающие звуки, издаваемые её вагиной и шлепки яиц Аскера о ягодицы Гюли.

Вот так, молча, она кончила несколько раз — вздрагивая, выгибая спину и пытаясь свести ноги. При этом она впивалась ногтями в бёдра Аслана, они уже все были в красных точках. Он кончил первым — сильно сжал груди Гюльсум, дёрнул тазом и замер, чуть прогнувшись назад, пока она судорожно сглатывала. От этого зрелища хрипло застонал и задёргался Аскер, вызвав очередной оргазм моей жены.

Она немного полежала, восстанавливая дыхание, потом перекадилась на бок, слезла со стола и подошла к Аскеру. Встав на колени, она тщательно облизала его обмякший член, потом то же самое сделала с членом подошедшего к ней Аслана.

Братья оделись и пошли к выходу. Когда они подошли к двери в кухню, я ушёл как можно дальше, буквально вжимаясь в стену. Я подумал, что сейчас было бы очень смешно, если бы кто-то из них захотел холодной водички из крана и зашёл в кухню. Особенно этот сучонок Аслан.

Уже стоя в дверях он повернулся и сказал:

— Пока, Гюлечка! — он, похоже, больно ущипнул её, так, что она вскрикнула, и рассмеялся, —

Эльмарчику привет!

Шествующий следом за ним Аскер звонко шлёпнул мою жену по попке.

Она закрыла дверь на замок и пошла в гостиную. Опьянение прошло, она более-менее твёрдо держалась на ногах. Она взяла с дивана платье и нагнулась за валяющимися на полу похожими на грязную тряпку трусиками.

— Развлеклась, потаскушка? — негромко спросил я, входя в гостиную.

Гюля испуганно охнула от неожиданности и выпрямилась, держа их в руке. Она стояла передо мной — голая, в одних туфлях, оттраханная во все отверстия, со стекающей по бёдрам спермой, смешанной со своими выделениями.

— Эльмар? — удивлённо спросила она, — я думала ты спишь.

— Не спится.

— Я вижу, — она выразительно взглянула на моё торчащее достоинство, — помочь?

— Ты уже помогла. Такое шоу... Разве я сказал, что так можно?

— Ты отпустил меня с ними.

— Танцевать, Гюльсум. А то, что только что было в этой комнате — совсем не танец. А комната — не дискотека.

— Ты меня бросил. Ты...

— Гюля, ты просто блядь. Ты хотела трахаться с этими мальчишками, и сбежала, как только я пошёл купить Наре попить.

— Я тебе говорила, что хочу побыть немного блядью...

— А я тебе сказал, что подумаю.

— Ты подумал и отпустил меня танцевать!

— Но не трахаться.

— Ты знал, чем кончится!

— Нет, не знал. Я не думал, что ты настолько шлюха!

Я выдернул у неё из руки её трусики — сырые, в белых разводах, с налипшими песчинками и волосками, перепачканные в пыли, пахнущие спермой и женскими выделениями, и хлестнул её по лицу.

В её глазах промелькнула буря сменяющих друг друга эмоций — неверие, что я это сделал, совсем немного страх, а потом похоть и вождление.

— Я виновата, — сказала она, — ты прав.

И не спрашивая и ничего не говоря, опустилась на корточки и взяла в рот мой член. Она несколько раз облизала головку, потом стала облизывать его языком весь, от кончика до корня.

— Какой солёненький...

Она снова провела языком от корня до головки и втянула носом воздух.

— И пахнет необычно... Нашёл общий язык с Нарой?

Снова взгляд снизу вверх — взгляд покорной шлюхи...

— Не могу в горло, прости, устала. Может быть исполнишь своё обещание?

Она поднялась на ноги и пошла к столу. Присев на него попкой, она завалилась на спину и легла в ту же позу, в которой её несколько минут назад трахал Аскер — прижав колени к груди и широко разведя ступни, только теперь вдоль стола. Среди бесстыдно раздвинутых ног были видны натёртые, натруженные, покрасневшие половые губы.

— Ну? — она приподняла голову и призывно посмотрела на меня, — У меня сейчас матка

простынет...

Звать меня дважды не пришлось. Я сделал пару шагов и оказался в нужном месте, вставив свой член сразу до упора. В нос ударил запах спермы, и от осознания того, что я сунул член в чавкающее влагилице только что оттраханной жены, мне начисто снесло крышу. Я начал двигаться, нисколько не задумываясь о её удовольствии. Это было странно — совсем недавно я хотел, чтобы она извивалась и кончала подо мной, но сейчас хотел только мучить её. Я хлестнул её трусиками, которые так и держал в руке, по груди. По одному соску, потом по другому. По лицу. Снова по грудям. Она стала постанывать и тяжело дышать, потом сказала между стонами:

— Они меня оба поймали везде, ты знаешь?

Ей, похоже, не хватало привычных грязных слов.

— Ну ты и блядь, — сказал я, — Какая же ты блядь...

Она застонала чаще, сладко, возбуждающе, и я продолжил:

— Шлюха... Потаскуха... Я тебя заставлю подавиться этими трусами... Блядь... Сучка подзаборная...

Я не продержался долго, слишком велико было возбуждение, и выплеснул ей в киску своё вожделение, одновременно швырнув в лицо трусики, и почувствовал, что она тоже кончает.

— Пойдём, — сказал я, — вещи свои не забудь. В душ и спать.

Мы поднялись наверх. Она посмотрела на развешанные вещи, мои и Нары:

— О-о-о, какие вы чистюлечки... помылись, значит, перед тем, как рожки мне наставить?

— Кто бы говорил. Трусики постирай, хорошо? И в душ. От тебя пахнет, как от сучки после десятка кобелей.

Она нехотя постирала свои трусики в раковине и повесила на полотенцесушитель. Потом я загнал её в кабинку, и через мутный пластик смотрел, как она моется. Она вышла, заворачиваясь в полотенце.

— Всё, я спать.

— Нет, — сказал я, — Ты мне поможешь.

Я зашёл в кабинку, быстро облился водой из душа, намылил мочалку и протянул ей:

— Потри меня.

Она долго мылила меня и тёрла, пока я не решил, что мне достаточно. Я закрыл кабинку, смыл с себя гель для душа, вышел, насухо обтёрся. Гюльсум покорно ждала

— Теперь спать.

Мы дошли до двери в нашу спальню. Я поцеловал жену в щёчку.

— Спокойной ночи, дорогая.

И провожаемый недоумевающим взглядом открыл дверь в спальню Нары.

Продолжение воследует.

Небольшое послесловие.

1. Действующие лица этой серии рассказов реально существуют. С главным героем я общаюсь по электронной почте, согласовывая сюжет и действия персонажей. Поэтому замечания вида «Восточный мужчина за такие слова сломал бы жене лицо» не принимаются — восточные мужчины, как и западные и северные бывают очень разные. Женщины тоже.

2. Место действия — собирательный образ кемпингов, баз отдыха и коттеджных посёлков на берегу моря. Не спрашивайте, где это.

3. Если, прочтя рассказ, вы сочтёте возможным оказать финансовую помощь, она будет

принята с благодарностью. Яндекс-кошелёк 4100115618936405.